

ВЯЧЕСЛАВ КЕЛЬВИН

ШТОРМ
НЕТ ПУТИ НАЗАД

Шторм

Вячеслав Кельвин

Шторм. Нет пути назад

«Автор»

2026

Кельвин В.

Шторм. Нет пути назад / В. Кельвин — «Автор»,
2026 — (Шторм)

Герои вышли из своей норы. Не потому, что захотели, а потому что нора перестала быть безопасной. Потому что мир, который они считали погибшим, оказался живым. И голодным. Снаружи — не мёртвый город. Снаружи — чужие правила. Чужие войны. Чужие боги. И те, кто строит новый порядок на костях старого. Те, кто потерял человеческое — но не потерял разум. Те, кто был человеком — и стал чем-то большим. Или меньшим. Никто не знает. В новом мире нет добра и зла. Есть только ты, твоя семья — и мир, которому на тебя наплевать. Но иногда мир смотрит на тебя синими глазами, в которых отражается вся твоя жизнь. И то, что за ней.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вячеслав Кельвин

Шторм. Нет пути назад

Глава 1

Дверь в контейнер захлопнулась с шипением, отрезав последний лучик тусклого света. Матвей, Петрович и девушка оказались в тесном металлическом отсеке, где они с трудом помещались. Откуда-то сверху лился тусклый красноватый свет.

— Стойте на решётке. Не двигайтесь и не снимайте шлем до сигнала, — раздался голос девушки по радиоканалу. — По окончании процесса дезактивации зажёгся зелёный свет. — Её голос звучал отстранённо, как инструкция бортового компьютера. — Приготовьтесь, сейчас начнётся обработка костюмов.

Петрович дёрнулся, инстинктивно подняв оружие, но Матвей перехватил его руку. Поздно. Они уже внутри. Теперь только слушать и ждать. Старик хотел ему что-то сказать, но только сопел носом. Потом опустил обрез дулом вниз.

В тамбуре что-то загудело. Воздух стал плотнее, будто невидимый насос нагнетал давление. Матвей чувствовал, как сквозь многослойную ткань костюма проникает вибрация — пол под ногами дрожал мелко, едва заметно.

— Внимание! — новый голос, на этот раз явно синтезированный, механический, без намёка на живые интонации, заполнил пространство. — Сейчас начнётся дезактивация! Не снимайте шлем и костюм! Стойте на одном месте!

Короткая пауза.

— Три... два... один...

Прежде чем они успели что-то сказать или хотя бы переглянуться, снизу, из-под решётчатого пола, с шипением ударили клубы густого белого пара. Он был горячим и едким. Матвей вздрогнул, инстинктивно отпрянув к стене, но пар был повсюду. Он заволок стёкла шлемов мгновенной, непроницаемой пеленой. В ушах зашипело — это через клапаны внутри под давлением подавался какой-то газ с химическим запахом, вытесняя уличный воздух.

— Чёрт! — вырвалось у Петровича, и его голос в радиоканале захлебнулся на полуслове, сменившись сиплым, звериным рыком. — Ты... что ты делаешь?! — Он инстинктивно махнул рукой перед лицом, отмахиваясь то ли от пара, то ли от ощущения ловушки.

Сверху, с потолка, тонкими струями распылилась жидкость. Она с шипением гасила горячий пар на их костюмах, стекая в дренаж под ногами мутными, грязными потоками. Одновременно по бокам камеры с гудением включились мощные вентиляторы, вытягивая эту взвесь из воды, пара и химикатов. Воздух завихрился, завывая в тесном пространстве.

Потоки воздуха били с такой силой, что Матвея буквально покачивало. Он ухватился за рифлёную стену контейнера, вцепился в холодный металл, чтобы не потерять равновесие. Мир сузился до трёх вещей: оглушительного рёва в ушах, влажной, непроглядной темноты за залитым стеклом шлема и давящего, липкого чувства ловушки, из которой нет выхода. Краем глаза он заметил на потолке тонкий ствол — автоматическая турель медленно поворачивалась, следя за каждым их движением.

Мысли заматались, как крысы в углу.

«Если она захочет, — пронеслось в голове, — она может просто не открыть внутреннюю дверь. И мы задохнёмся здесь. Как крысы в душегубке».

Сердце заколотилось чаще, дыхание сбилось.

Матвей зажмурился, и в этой краткой темноте, заглушившей рёв вентиляторов, раздался знакомый хриплый голос, такой родной, такой невозможный:

«Не ссы, малой. Судя по всему, вы нужны ей живыми».

Матвей замер. Жора. Опять.

«Закрой глаза, — продолжал голос, и в нём не было привычной насмешки — только спокойная, уверенная забота. — И сделай глубокий вдох».

Матвей послушался. Зажмурился, втянул воздух сквозь фильтр, насколько позволял баллон. Выдохнул. Ещё раз.

Сердце отпустило. Дрожь в руках унялась.

Когда он открыл глаза, рёв продолжался. Потоки воздуха били не ослабевая.

Но стало легче. Совсем чуть-чуть. Но легче.

Процедура длилась не больше минуты, но каждая секунда тянулась мучительно долго. Вентиляторы по бокам затихли. Работала только вытяжка в полу. Пар рассеялся, открыв стены, стекающие конденсатом.

Девушка стояла у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному металлу, и спокойно наблюдала за ними сквозь зеркальное стекло шлема.

Струи стихли, и в тот же миг их обдало тёплым воздухом — густым, плотным, он окутывал со всех сторон, вытесняя остатки влаги. Боковые вентиляторы взвыли с новой силой, и через несколько секунд в помещении стало сухо. Костюмы больше не блестели, с них перестало капать.

Вентиляторы смолкли. Освещение в камере переключилось — красный сменился мягким, почти уютным жёлтым.

— Внимание! — раздался механический голос из динамиков, вмонтированных в стены. — На счёт три начнётся световая обработка. Пожалуйста, для вашей безопасности включите поляризованный фильтр на ваших шлемах.

Пауза.

— Световая обработка начнётся через двадцать секунд. Внимание! На счёт три начнётся...

Сообщение пошло на повтор, заиклилось, как испорченная пластинка.

— Стой! — голос Петровича в эфире прозвучал так, что у Матвея заложило уши. — Нет у нас таких фильтров в шлемах! Остановись, железяка!

Старик резко обернулся к девушке. Та уже активировала зеркальный режим на своём шлеме — стекло стало непроницаемым, холодным, чужим.

— Выключи эту хрень! — Петрович сдерживался из последних сил, готовый шагнуть к ней, но странная трубка под потолком, похожая на ствол пулемёта, синхронно двигалась за ним, не давая сделать лишнего движения. — Нет у нас таких фильтров! Все глаза нам повыжигает!

Девушка подняла руку, останавливая автоматику.

— Отмена ультрафиолетовой обработки, — произнесла она громко, чётко, будто отдавала команду системе.

Освещение в камере тут же сменилось — жёлтый погас, зажёгся обычный, белый свет. Ровный, спокойный, без намёка на смертоносное излучение.

Матвей выдохнул.

Петрович стоял, тяжело дыша, и сверлил взглядом девушку. Та, не обращая на него внимания, подошёл к панели на стене и нажала несколько кнопок.

— Дезинфекция завершена, — тут же объявил механический голос. — Пройдите в следующий отсек, закройте дверь за собой. Откройте и снимите внешнюю экипировку. Положите её в ниши слева. На вас останется базовый слой. Если желаете, можете надеть унифицированные комбинезоны. Пожалуйста, соблюдайте очередность.

В стене с лёгким щелчком открылась внутренняя дверь, отъехав в сторону. Над ней загорелся зелёный свет. За проёмом виднелось освещённое пространство, резко контрастирующее с мрачным подъездом и тусклой крышей, оставшейся где-то в другой жизни.

Девушка направилась к открытому шлюзу.

— Сначала внутрь пройду я. Как только переоденусь, загорится зелёный сигнал, эта дверь автоматически откроется, и может войти следующий.

Она вошла первой и скрылась за дверью.

Матвей и Петрович несколько секунд просто стояли, пытаясь отдышаться. Сквозь очищенное стекло шлема Матвей видел, как Петрович медленно, с видимым усилием воли, разжимает кулаки. Пальцы, только что готовые рвать и крушить, обмякли, повисли вдоль тела.

Они обменялись долгим взглядом.

Здесь, в этой стерильной камере, они были абсолютно беззащитны. Все их «костюмы», всё самодельное бронирование, все хитрости, наработанные годами выживания, оказались бесполезны против систем этого места. Осталось только одно — пройти дальше.

— Чувствую себя как муха, над которой занесена сложенная в трубочку газета, — прервал тишину Петрович. Голос его звучал глухо, но с той особенной, горькой иронией, которая у него одного заменяла и страх, и злость. — Вижу её, понимаю, что она несётся на меня, чтобы прихлопнуть, и... стою на месте, пытаюсь прочесть, что там написано. Надо улетать, а я читаю...

Над дверью зажёгся зелёный свет. Створка бесшумно приоткрылась.

Петрович легонько подтолкнул Матвея в плечо.

— Ты этого хотел. Давай первый. Прикрою сзади.

Матвей шагнул в проём.

Помещение за дверью оказалось просторнее, чем можно было ожидать. Ровный, мягкий свет лился с потолочных плафонов — не тусклый, не жёлтый, а чистый, белый, без привычного для них мерцания. Стены были обшиты светлыми композитными панелями, пол — технический, рифлёный, но без единой соринки, без намёка на пыль или грязь.

Вдоль одной стены выстроились аккуратные ряды металлических шкафчиков — штук восемь, с номерами на дверцах. Рядом с ними — пара откидных сидений, прикрученных к стене, из того же светлого металла. Всё здесь было функциональным, продуманным, безжалостно технологичным.

Девушка стояла у противоположной стены. Без защитного костюма. Без шлема.

На ней был лёгкий комбинезон — тёмно-синий, с множеством карманов и нашивок, значения которых Матвей не понимал. Короткие тёмные волосы, бледное лицо, глубокие тени под глазами — следы недосыпа или хронической усталости.

Её взгляд скользнул по его самодельному костюму, задержался на сварочных швах, на грубо приклёпанных свинцовых пластинах. В нём не было ни насмешки, ни презрения. Была... профессиональная оценка. Так инженер смотрит на кустарную, но функциональную конструкцию — изучает, прикидывает, как это сделано и зачем.

— Пожалуйста, снимите костюм и сложите его в шкаф номер три, — раздалось из динамиков, но девушка при этом не открывала рта. Просто ждала, чуть склонив голову, а потом плавным жестом указала на шкафчик с цифрой «3» на дверце.

Матвей обернулся, окинул взглядом это чистое, чужое пространство. Ряды шкафчиков, откидные сиденья, панели с индикаторами на стенах. Ни пыли, ни грязи, ни следов разрушения. Мир, где всё работает. Где есть электричество, чистота, порядок.

Мир, в котором они были чужими.

Матвей подошёл к указанному шкафчику. Из приоткрытой дверцы пахло... чистотой. Не той, к которой они привыкли в подвале, где чистота была понятием относительным и пахла хлоркой и мыльным раствором. Здесь пахло стерильностью. Больничной, лабораторной, забытой.

На крючке висел запакованный тканевый комбинезон. Такой же, как у неё. Новый. Идеально чистый. На нижней полке стояла пара лёгкой обуви, запакованная в полиэтилен — ни разу не надетая.

Он начал откручивать болты с барашками на шлеме. Пальцы в толстых перчатках двигались неуклюже, но дело шло.

Тёплый воздух ударил в лицо, когда последний болт поддался. Матвей заставил себя не сорвать маску рывком, не разорвать её, не закричать. Инстинкт, въевшийся в подкорку за пять лет выживания, орал: «Ловушка! Отравление! Смерть!» Но логика — тупая, холодная, как лом в руке — шептала иное. Если бы незнакомка хотела его смерти, она бы уже действовала. Взлом связи, гильза у двери, переговоры, приглашение — всё это был слишком сложный путь для простой засады.

— Если опасаясь, можно снять только шлем, — голос девушки в динамиках оставался ровным, будничным. — Воздух здесь фильтруется. Фон в пределах зелёной зоны. Двенадцать микрорентген. Можешь проверить, если не доверишься.

Он машинально поднял левую руку, глянул на запястье. Дозиметр успокоился в зелёном секторе.

Матвей перевёл взгляд на девушку. Медленно, не отводя от неё глаз, поднял руку к защёлке шлема. Пальцы в толстой перчатке не слушались, соскальзывали. Щелчок, когда замок наконец поддался, прозвучал оглушительно громко.

Он стянул маску.

Воздух ударил в лицо — не просто тёплый. Он был чистым. Абсолютно, невероятно чистым. Без привычного привкуса пыли, без химической гари, без металла на языке. В нём пахло свежестью от работающих приборов, слабым запахом пластика и чем-то ещё... ванилью? Антисептиком?

Его лёгкие, привыкшие к тяжёлому, спёртому смраду подвала, к вечному привкусу фильтров и собственного страха, свело спазмом. Он закашлялся — натужно, надрывно, согнувшись пополам. Поднёс руку ко рту, отвернулся.

Кашель стих так же внезапно, как начался. Матвей вытер рот тыльной стороной перчатки, не выпуская лома из другой руки. Краем сознания отметил, как натёртое термобельё на локте больно впивается в кожу. Оно не просто заштопано — оно срослось с грязью в единый панцирь из пота, крови и страха. Его давно пора было бы постирать, если бы вода не была драгоценней крови, а новая одежда — недостижимой роскошью.

— Я сниму только шлем и перчатки, — он поднёс снятый шлем поближе к губам, чтобы микрофон уловил голос. — Полностью снимать наши костюмы — долгая история. С ними помощь нужна. Со стороны.

— Ага, поддержку молодого, — вклинился Петрович. Голос его звучал нарочито бодро, с той хамоватой бравадой, за которой временами пряталась неуверенность. — Мы-то не знали, что нас в высший свет пригласят. Носки не глажены, нижнее бельё последний раз стирали, когда ещё Шторм только начался. А уж про наш парфюм после нахождения в этих консервах я вообще молчу. Думаю, у дамочки там датчики всякие — так вот пусть заранее к аммиачным парам готовится. Матвей, ты скоро там? Или будем тут, как дураки, извиняться за внешний вид? Долго нам тут торчать-то?

Матвей почувствовал, как от этой показной развязности у него внутри всё сжалось. Петрович боялся. И от этого становился ещё злее, ещё грубее. А томить его в западне дольше необходимого было смерти подобно.

— Мы шлемы и перчатки тут оставим, — сказал он, уже не спрашивая, а ставя перед фактом.

— Как хотите, — голос девушки остался всё таким же ровным. — А я хотела предложить вам фильтры поменять, но если вы так стесняетесь, дело ваше.

Матвей открыл дверь и вошёл в следующее помещение.

Первые секунды были слепыми. Не от яркости — свет здесь лился ровный, приглушённый, без острых углов и теней, — а от контраста. Только что его трясло и било струями в тесной железной коробке, где каждый звук усиливался многократно, где воздух был чужим и враждебным. Потом он шагнул в раздевалку — и там, глядя на себя в зеркало, вдруг остро, до боли осознал, во что превратилась его одежда под защитным костюмом, ввевшаяся в кожу, сросшаяся с грязью, пропахшая подвалом и страхом. Осознал, почему ему так стыдно снимать радиационный костюм при посторонней.

А теперь он стоял в тишине.

Она была плотной, как вата, — мягко облежала, приглушала звуки, делала шаги неслышными. Воздух не давил, не жёг лёгкие химией, не оставлял на языке привычного металлического привкуса. Он был... пустым. Стерильным. Таким, каким воздух, наверное, и должен быть по замыслу того, кто всё это проектировал.

И это отсутствие привычных запахов — пыли, пота, гари, вечного фона выживания — дезориентировало сильнее любой темноты. Матвей чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Вроде дышать можно. Вроде даже легче. Но всё неправильно. Всё чужое.

Жилой отсек оказался капсулой из другого мира. Небольшой, как каюта на подводной лодке, но выверенный до миллиметра. Свет льётся мягко и равномерно, не оставляя теней. Две складные койки убраны в стену, оставляя место столику с фиксированными креслами.

Над каждой койкой находилась ещё складная койка. Все поверхности — матовый металл или белый пластик. Ни пылинки. В воздухе тот же чистый, чуть ванильный запах. Технологический аскетизм.

Девушка сидела за столиком. Перед ней стоял ноутбук. Теперь, когда она сняла скафандр, стало видно подробнее, во что она одета: просторный тёмно-синий комбинезон из плотной хлопковой ткани с антистатической пропиткой, надетый поверх тёмной футболки с молнией у горла. Одежда была чистой, почти стерильной, и новой. На ногах — лёгкие, но прочные ботинки на тонкой подошве, какие носят в лабораториях или на хирургических операциях. Ничего лишнего. Функциональность, доведённая до минимализма. И в этом — главный контраст: пока Матвей стоял в своём пропотевшем, смердящем щелочью и страхом костюме поверх термобелья, она выглядела так, будто только что вышла из дезинфекционной камеры — не парадно, но с пугающей, недостижимой для него чистотой.

Она подняла взгляд на Матвея и указала на небольшое кресло справа, обтянутое серым неопреном. Он подошёл, развернулся, попытался опуститься — и замер. Свинцовые пластины на бёдрах и спине упирались в подлокотники, не давая сесть. Он попытался втиснуться боком — безуспешно. В этом мире сиденья были спроектированы для других тел, одетых в другие одежды. Не для их самодельных защитных костюмов.

Заметив его беспомощные попытки, она чуть тронула уголком губ и кивнула на разложенную койку напротив.

— Здесь будет просторнее.

Матвей кивнул головой, тяжело опустился на край, стараясь занимать как можно меньше места. Даже после помывки костюм скрипел и пах оттаивающей грязью. Он молился, чтобы никакая частица пепла, никакая капля пота не осыпалась на этот ослепительный, немыслимо чистый пол.

В этот момент в помещение вошёл Петрович, захлопнул за собой дверь, обернулся — и застыл, будто наткнулся на невидимую стену. Его глаза, прищуренные от непривычно яркого света, метались от белоснежных стен к ровным ряду приборов, к бесшумно работающему экрану, к самой девушке. На его лице, обычно собранном в маску усталой воли, читалось не просто удивление — шок, граничащий с непониманием.

Так мог бы выглядеть кроманьонец, внезапно перенесённый на капитанский мостик звездолёта. Его рука непроизвольно сжала приклад обреза, будто ища единственную твёрдую точку в этой пугающей правильности.

Матвей, видя его ступор, почувствовал жгучую неловкость за них обоих.

Он перевёл взгляд с остекленевшего лица Петровича на безупречные линии контейнера, на девушку, которая наблюдала за ними с непроницаемым спокойствием. И вдруг, с неожиданной ясностью, понял: они здесь чужие. Вся эта стерильная чистота, этот вылизанный до блеска технологичный мирок — он был им не нужен.

Пять лет Шторма выдули из них эту дрянь. Выжгли налёт цивилизации вместе с жиром и уютом. Оставили только голое, ободранное до костей человеческое нутро. Грязное, пропахшее гарью и страхом.

«Ничего, — раздался голос Жоры с тихой, почти суровой гордостью откуда-то, где он поселился в нём. — Зато мы всё ещё люди. Грязные, потные, полные дерьма. Но люди».

Глава 2

Петрович стоял у входа в жилой сектор, топчась на месте, безнадежно пытаясь втянуть в себя свои громоздкие сапоги и надеясь, что хоть немного отмытая поверхность костюма не оставит грязного отпечатка на этой безупречной поверхности.

Он наконец поднял глаза от своих сапог и в упор посмотрел на девушку.

— Кто ты? — голос прозвучал хрипло, незнакомо, как скрип ржавой двери. Он сразу перешёл на «ты», не оставляя сомнений: расшаркиваться перед ней он не намерен.

— Елена, — ответила она просто, как будто это объясняло всё. — Ты — Виктор Петрович. Твой напарник — Матвей. Вы живёте в подвале дома номер 14 по улице Заречной. Выходите на поверхность в среднем на три часа сорок семь минут в день. Предпочитаете маршруты через внутренние дворы и избегаете открытых пространств. И недавно, судя по остаткам в вентиляционном фильтре вашего убежища, вы ели шпроты.

Холодок, острый и тонкий, как лезвие, пробежал у Матвея по спине. Она не просто видела их. Она слушала их переговоры по радио. Она знала, как их зовут. Она собирала их пыль. Изучала их дыхание. Методичность, с которой она изучала их, пугала сильнее любой прямой угрозы.

— Как... Зачем? — он не заметил, как спросил, не найдя подходящих слов, язык казался одеревеневшим.

— Я наблюдаю, — сказала она, как констатировала бы погоду. — Это моя работа. И прежде, чем пойти с вами на контакт, я убедилась, что вы адекватны и не заразны.

Петрович, стоя посреди этого белоснежного саркофага в своём потёртом, пропотевшем костюме, казался живым воплощением хаоса, ворвавшегося в царство абсолюта. Он опустил взгляд на свои сапоги, покрытые засохшими серыми разводами дезраствора, а затем на блестящий, как зеркало, пол под ними. Он стоял, сгорбившись, плечи вперёд, будто боялся распрямиться и нечаянно задеть локтем какую-нибудь хрупкую панель или, того хуже, оставить царапину. Его глаза, привыкшие к полумраку подвала, болезненно щурились от этого ровного, безжалостного света, выявляющего каждую трещинку на его перчатках, каждый потёк на костюме. Обрез был опущен в пол.

Елена, не обращая внимания на их немой спектакль неловкости и потрясения, скользнула к компактной кухонной панели. Её движения были экономными, точными.

— Присаживайтесь, Виктор Петрович, — сказала она, и это прозвучало не как приглашение гостя, а как следующая команда в протоколе. — Хотите чаю? Есть чёрный. С сахаром? Сливки, только сухие. Или вам кофе заварить?

Этот бытовой, невозможный вопрос в этом контексте сбил его с толку сильнее любой угрозы. Он молча покачал головой. Его глаза метались по комнате, выхватывая детали: аккуратные стопки документов в пластиковых файлах, ноутбук с огромной внешней батареей, небольшую аптечку с непонятными надписями, какие-то приборы у окна.

— Спасибо. Не хочу марать вашу мебель. — Петрович переступил с ноги на ногу, покопсился на пол, проверяя, много ли натоптал.

Взгляд его скользнул по стене и упёрся в прямоугольник, за которым угадывался пейзаж снаружи. Окно. Да только не окно это было — большая телевизионная панель, на которую транслировалась картинка с камер.

Петрович хмыкнул про себя. Всё здесь обман. Хрень рядом со мной косит под радиоточку, хотя, наверняка, не она; телевизор — под окно. Каждая вещь притворяется чем-то другим. Даже воздух притворяется чистым, хотя от него чуть лёгкие не вывернуло в первые секунды.

Он перевёл взгляд на девушку. Та сидела за столиком, спокойная, как статуя, и, кажется, даже не моргала.

«Кто ты на самом деле, Елена?» — подумал Петрович, но вслух ничего не сказал.

Матвей сидел на краю кровати, поставив лом между ног. Петрович продолжал стоять у двери. Он молча наблюдал, как Елена достаёт из герметичного контейнера не горсть бурой трухи, а настоящие, скрученные листья. Звук льющейся из термокружки горячей воды был непривычно громким.

Петрович, осматривающий помещение, хрипло кашлянул.

— А это что за аппарат? — Он ткнул пальцем в небольшой пластиковый ящик с кнопкой, стоявший на полке рядом с ним. Ящик был подозрительно похож на те советские радиоприёмники, что когда-то стояли в каждой кухне. На радиоточку.

Елена, всё ещё продолжая подготовку к завариванию чая, машинально ответила:

— Это ультразвуковой увлажнитель и ионизатор воздуха. Поддерживает оптимальную влажность и очищает от пыли.

Петрович задумчиво кивнул, прищурился.

— Понятно. У нас в подвале для влажности тоже прибор есть. Автоматический. Правда, не такой изящный, как этот, но есть.

Елена, невольно заинтересовавшись, проявила профессиональный интерес.

— Да? Какой?

— Бочка, — с невозмутимым видом сказал Петрович. — С дырявым дном. Сама капает, куда надо. И пыль, кстати, тоже прибывает. Бесплатно и без электричества. И ионизацию Валера пытался приделать — статическим электричеством с расчёски, потом её к трубе прикладывал. Не помогло, правда. Но идея была хорошая. Сказал, что продолжает думать над реализацией.

Матвей, сидя на койке, почувствовал, как по его спине пробежала смешная и отчаянная судорога. Он закусил губу, чтобы не засмеяться. В этой стерильной капсуле, заваленной технологиями, его старик с невозмутимым видом сравнивал ионизатор с дырявой бочкой. И, по своему, был прав.

На лице Елены на мгновение показалась улыбка. Казалось, её мозг, способный расшифровать спектр шпروت с расстояния в километр, дал сбой, пытаясь обработать концепцию «ионизации расчёской». Она медленно кивнула, оценивая их находчивость.

— Очень... изящно, — отреагировала она. — И практично. И с чувством юмора у вас отлично.

Петрович осмотрел прибор, а затем перевёл взгляд на неё.

— Ну ладно, шутки в сторону. Зачем ты нас нашла? — спросил Петрович, так и не сдвинувшись с места. — Зачем гильза? Зачем... весь этот цирк? — он переступал с ноги на ногу, нетерпеливо. Ему хотелось знать ответы, а не пить чай и шутки шутить.

Елена достала кружки из встроенного шкафа и невозмутимо ответила:

— Цирк — для проверки. Нужно было понять, кто вы. Обороняетесь или нападаете. Думаете или только реагируете. Осталось ли в вас что-то помимо основных инстинктов. — Она обернулась к Петровичу. — Люди вы или уже опустили руки и обращаетесь в «диких». — Она вновь вернулась к плите. — Гильза — приглашение к диалогу. Универсальный знак среди тех, кто ещё помнит правила. Вы ответили не выстрелом. Вы пришли. Это многое говорит. — Она залила кипятком в заварник. Ополоснула кружки, поставила на столик. Напротив себя она поставила чашку с надписью «ЕЛЕНА».

Петрович кивнул, почесал лоб.

— Говорит, что мы идиоты, — пробормотал он, обернувшись к Матвею. Парень вздрогнул. Ему так не показалось. Старик продолжал стоять у двери, обрез наполовину поднят. Его

глаза, выцветшие и острые, сканировали комнату, останавливаясь на каждом источнике потенциальной опасности: на незнакомых приборах, на её руках.

Она принялась разливать чай.

— Это говорит о том, что вы рациональны, — поправила Елена, спокойно отхлебнув чаю. — И, как я уже говорила, у вас, вероятно, закончились соль и йодные таблетки. А без них ваш самодельный респиратор через неделю станет бесполезным против изотопов стронция в пыли.

Петрович замер. Матвей почувствовал, как у него всё сжалось в груди. Она попала в цель. Соль для регенерации самодельных фильтров они искали два месяца. Нашли пачку, наполовину протёкшую. Йод — только в виде бетадина из разграбленной аптеки, и тот подходил к концу.

— Если бы вы были идиотами, — она перевела взгляд на Петровича, — я бы не стала выходить с вами на контакт. И уж тем более не стала бы впускать вас сюда с оружием. — Она кивнула на обрез Петровича. Тот тут же опустил ствол дулом вниз. — Виктор Петрович, может, вы обрез уже, на время, в сторону положите.

— Извините, Елена — нет, — сказал он хриплым голосом. — Спокойнее с ним. Как-то.

И тут запах достиг их. Сначала тонкой струйкой, потом волной. Запах чая. Настоящего, чёрного, с едва уловимой горчинкой и теплом. Не чага, не сушёная зелень, не бог весть что, что они заваривали в последние годы. Это был запах из «до». Из кухни, где горит свет, из утра, когда не надо проверять дозиметр. У Матвея перехватило дыхание. Это было опаснее, чем взгляд в прицел. Это било в память, в самое незащищённое место.

— Что тебе нужно? — спросил Петрович, продолжая держать ствол обреза в пол. Не дружеский жест, но переход от открытой враждебности к переговорам.

Елена смотрела на свою кружку. Пар поднимался тонкой струйкой.

— Пейте чай, Виктор Петрович. Это безопасно. И полезно для выведения радионуклидов, — сказала она так же спокойно, как говорила до этого.

Петрович фыркнул, но его взгляд прилип к кружке. Его руки, привыкшие сжимать обрез или лом, неуверенно повисли в воздухе.

— Шпроты, — хрипло произнёс Матвей, поднимая на неё глаза. — Как?

Она взяла свою кружку, обхватила её длинными пальцами, но не пила. Смотрела на пар.

— Химический спектрометр, — ответила она, как о чём-то само собой разумеющемся. — Часть системы мониторинга воздуха. Ловит летучие соединения. Рыбий жир, консерванты рухнувшей эпохи, соли... оставляют уникальную метку. Вы вынесли их из подвала на одежде. Я видела всплеск в данных после вашего возвращения три дня назад. И следы присутствовали в вентиляции. — Она сделала маленький глоток. — Вы ели их на ужин. С перловкой.

Матвей почувствовал, как его собственная жизнь, все его жалкие тайны и ритуалы, разложены перед ним как карта. Не врагом, не человеком — безличным прибором, равнодушным свидетелем, который записывал всё без осуждения, но и без права на ошибку. Это было унижительно. И страшно.

— А имена? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Тоже из взломанного радиоканала?

Он уже знал ответ. Если канал был взломан, значит, все их разговоры, все переговоры во время вылазок — всё это было открытой книгой.

Елена посмотрела на него, потом перевела взгляд на Петровича, словно взвешивала — можно ли сказать им правду. В её глазах мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Я хочу быть честной с вами, — сказала она медленно. — Поэтому отвечу. Не только через радиоканал. Я установила жучок в вашей системе вентиляции. А дальше уже дело техники — отделить шум от голосов людей.

— Ты! — Петрович дёрнулся, вскинул обрез. Лицо его перекосило, руки дрожали, и ствол ходил ходуном, описывая неровные круги.

Девушка даже не вздрогнула. Медленно поднесла чашку к губам, сделала маленький глоток.

— Я не желала и не желаю вам зла, Виктор Петрович, — её голос оставался ровным, будничным. Она обхватила чашку двумя руками, грея ладони. — Мне нужно было убедиться, что вы адекватны. Когда я убедилась, то перестала вас подслушивать.

Петрович тяжело дышал. Обрез в его руках продолжал мерно подниматься и опускаться в такт дыханию — дуло то смотрело ей в лицо, то опускалось, целясь куда-то в район её груди.

— Зачем ты это рассказываешь? — выдавил Петрович, так и не притронувшись к чаю. — Хочешь показать, как мы... примитивны?

Елена наклонила голову к чашке.

— Я хочу показать, что вижу. И что могу видеть. Это не угроза, Виктор Петрович. Это объяснение. Вы спрашивали — я отвечаю. Прозрачность. — Она поставила кружку. — Вы живёте в мире, где каждый запах, каждый след может убить. Я просто подняла это на другой уровень. Ваш подвал — это организм. Он дышит, он выделяет отходы, он поглощает ресурсы. Мои датчики видят его дыхание. Так же, как и дыхание «штыков», когда они жгут дизель в двух километрах отсюда. Или химический след «диких». Это информация. В нашем мире она дороже патронов.

Она посмотрела на Петровича. Её знание было оружием. И Елена только что спокойно объяснила ему принцип его действия. Она не скрывала своего превосходства. Она его демонстрировала, как факт. Как погоду за окном.

Матвей отложил ломик и наконец поднял кружку. Тепло пронзило ладони, проникло через кожу. Он сделал глоток. Вкус обжёг рот, разлился теплом по желудку. Это было невыносимо приятно. Матвей закрыл глаза на секунду. Запах рождал не образы, а целые миры.

В памяти всплыла маленькая, уютная кухня в хрущёвке, залитая утренним солнцем. Бабушкин коврик с петухом на стене. Стук ложки о фарфоровую кружку с позолотой. Голос по радио. Это было не ностальгией — это было призрачным ощущением нормальности, того самого фона, на котором когда-то происходила жизнь.

Он открыл глаза и увидел свои руки, сжимающие белую, безликую кружку. Руки в мозолях, с чёрными засохшими потёками у запястий. Между этим запахом и этими руками лежала пропасть в пять лет. И Елена, сидящая напротив, была не человеком из прошлого. Она была эхом из будущего, которое могло быть, но не случилось. Она сохранила чистоту. Они — нет. Зато они сохранили жизнь. Ценой этой грязи. Чей путь был правильнее? Или оба вели в тупик, просто на разной скорости? Он не знал ответы на эти вопросы. Но знал одно — сейчас их пути пересеклись.

— И что твои датчики говорят тебе сейчас? — спросил Матвей, глядя на неё поверх края кружки.

Она встретила его взгляд. В её глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на усталую искру.

— Что вы боитесь. Что вы не доверяете мне. Что у вас в подвале заканчиваются фильтры, точнее, их ресурс выработан. А у Виктора Петровича начинается лучевая болезнь в начальной стадии, о чём он даже себе не позволяет думать.

Она перевела взгляд на Петровича. Тот побледнел, будто его ударили. На его лице проступил не страх, а горькое понимание, подтверждение его горьких догадок. Матвей медленно перевёл взгляд на него, затем на Елену.

— Ваши... симптомы. — Она посмотрела прямо на Матвея. — Твоя походка. Ты прихрамываешь на правую ногу не из-за старой травмы. Это нейропатия. Первый признак хронического радиационного поражения. У тебя меньше года, если ничего не делать.

В комнате стало тихо. Тиканье какого-то прибора звучало как удары метронома, отсчитывающего секунды до чего-то неотвратимого. Матвей догадывался о причинах боли в ноге. Но сказанное вслух посторонним облекло в форму его догадки и стало диагнозом.

Петрович, до этого момента сидевший в гробовом молчании, вдруг кашлянул. Звук был похож на скрип ржавых ножниц.

— Меньше года? — переспросил он, и в его голосе прозвучала не тревога, а какое-то дикое, почти обидное облегчение. — О, слава богу. А я-то думал, у меня геморрой от этой вечной сырости и постоянного нахождения в бетонной клетке. Или почки отпадают. А оно вон что — просто радиация. Ну, это мы знаем, как лечить. — Он повернулся к Матвею, который смотрел на него в ступоре. — Чем, молодёжь? Правильно. Двойной нормой самогона на ночь и не думать о плохом. Эффективно, проверено. Дело за малым — добыть самогона в товарном количестве.

Матвей слушал этот абсурдный диалог, и внутри у него всё сжималось в твёрдый ком. Петрович шутил, потому что иначе пришлось бы сдаться. Но за шуткой Матвей слышал отголосок собственных мыслей. Он тоже давно приучился читать сигналы тела как сводку погоды: ноющее плечо — к шторму, звон в ушах — к скачку фона, эта странная, похожая на изжогу горечь во рту по утрам — признак того, что фильтры пора менять.

Они давно стали биодатчиками, живыми приборами. Мысль о том, что где-то ещё существуют нормальные болезни — от микробов, от возраста, от стресса, — казалась дикой фантастикой. Их мир убивал — не инфекциями, а тихим, неумолимым распадом атома внутри собственных клеток. И эта женщина в стерильном комбинезоне говорила об этом так, будто это можно было лечить, а не просто терпеть, пока терпится.

Елена слушала Петровича на полном серьёзе. Её лицо оставалось непроницаемым.

— Алкоголь как радиопротектор — миф, — констатировала она. — Он лишь расширяет сосуды и ускоряет распределение изотопов по организму. Вы не лечитесь. Вы усугубляете.

Петрович задумчиво почесал щетину.

— Может, и усугубляем. Зато весело. И к разговору располагает. И спать лучше. А твои таблетки, они от бессонницы помогают? Нет? Язык развязывают? Тоже нет. Ну вот видишь. — Он махнул рукой, будто отмахнувшись от всей её науки. — Так что насчёт этих... нейропатий? Это оно, когда нога ноет, будто на погоду?

— В том числе, — подтвердила Елена, и в уголке её глаза дрогнула микроскопическая мышца. Что-то вроде признака того, что её мозг только что обработал этот диалог как «нештатную ситуацию» и слегка завис.

— Ну, тогда у меня не нейропатия, — с деловой важностью заявил Петрович. — У меня — прогноз погоды. Встроенный. И точность — плюс-минус час, два. Полезная штука. И без всех этих ваших мудрёных приборов... — он обвел рукой помещение.

Петрович не договорил, но его самодовольная усмешка говорила сама за себя: они, «крысы», не просто болеют. Они адаптируются. Даже свои смертельные симптомы они успели приспособить под бытовые нужды. В этом был дикий, извращённый практицизм, над которым невозможно было не усмехнуться. Матвей почувствовал, как его собственный страх на миг отступает, смытый волной абсурда и даже гордости. Петрович умудрился найти плюсы в отрицании нервных окончаний. Вот это — настоящая «крысиная» победа.

Елена медленно перевела дух, будто перезагружая протокол общения с гостями.

— Смешно, интересно, но конец будет плачевным, — холодно отрезала она. — Зато мои датчики и анализ после помогли понять мне, что ваши приборы не видят некоторые «красные» зоны, потому что там не гамма-излучение, а альфа-частицы. — Елена прищурилась, глядя на «окно».

На этих словах Петрович вздрогнул. Матвей чуть не выронил чашку с чаем.

— Ваши дозиметры это просто не фиксируют. А возле вашего убежища, в радиусе пятьсот метров, больше десятка таких мест, могу показать карту, если хотите. — Она кивнула на ноутбук. — Ваш встроенный «прогноз погоды» это фиксирует? Альфа-частицы не пробивают костюм, но если вдохнуть пыль с ними... — она посмотрела на них по очереди. — Ваша дезинфекция — это хорошо, но, к сожалению, она не гарантирует достаточной очистки. И вы тащите альфа-частицы в жилой сектор.

Воздух в стерильной капсуле вдруг стал густым и тяжёлым, будто его накачали насосом. Матвей увидел, как у Петровича резко опустились плечи, будто под невидимым грузом. Старик медленно, как в замедленной съёмке, поднял руку и провёл ладонью по лицу, смазывая капли пота, выступившие на лбу несмотря на прохладу.

«Тащите в жилой сектор». Эти слова отдались в Матвее глухим эхом. Он представил Иринку. Её тонкие пальцы, которыми она трогает всё в подвале. Её лицо, которое она после их возвращений прижимала к его запачканной куртке, чтобы «услышать» запах улицы. И Веру Павловну, которая стирала их тряпки в той самой «недостаточной» дезинфекции. А иногда, редко, но всё же, они заходили в «жёлтую», пожелать удачи перед выходом.

Она опустила чашку на столик, посмотрела по очереди на мужчин.

— А так же я поняла, что вы оба — профессионалы в выживании. А профессионалов в этом мире почти не осталось. В основном выживают чудовища и безумцы. А вы — не они. И поэтому я позволила вам прийти сюда.

Матвей смотрел на неё. Она говорила как бухгалтер, подсчитывающий баланс. В её мире, видимо, не было места эмоциям. Только выживаемость, проценты, риск и ресурсы.

Он перевёл взгляд на Петровича. Старик смотрел на ноутбук, на чистые стёкла, на её руки — тонкие, с коротко подстриженными ногтями, ухоженными. Руки, которые знают, как работать, а не как убивать.

— Карта, — Петрович заговорил, и его голос, всегда такой уверенный и грубый, был теперь хриплым и раздавленным. — Покажи свою карту. С этими, самыми... альфа-частицами.

Это была мольба человека, который готов выслушать смертный приговор, но должен увидеть его своими глазами. Вся его самоуверенность, всё его знание местности, выстраданное за годы, вся его гордость за то, что он провёл Семью через ад, — всё это рухнуло. Он почувствовал себя слепцом, водившим других слепцов по краю пропасти, которую не видел.

Елена кивнула, не говоря ни слова, развернула ноутбук. Её пальцы быстро двигались по тачпаду. Через секунду на экране возникла детальная карта, испещрённая слоями данных, покрытая линиями цветных пометок. Красные, жёлтые, зелёные пятна. Она вращала карту, Матвей увидел их дом, отметку на их подвале. Елена увеличила участок вокруг их убежища. Маленькая жёлтая точка — их подвал. И вокруг, как россыпь ядовитых красных бус, — отметки. Одна на месте сгоревшего гаража, где они искали металлолом. Другая — у основания воронки на бывшей детской площадке, где они иногда останавливались перевести дух. Третья — прямо вдоль их стандартного маршрута к высотке. Они проходили там постоянно. Их дозиметры молчали.

— Здесь, — ткнула она пальцем в алую точку. — Завал. Под ним — аварийный выхлоп старой котельной. Никакого фона на поверхности, но горячая пыль. Вы ходили прямо по ней.

Петрович молча смотрел на экран. Его лицо стало землистым. Он узнавал каждое место. Каждую точку. Он там бывал. Он водил туда людей. Он водил туда Матвея.

— Как... — начал Петрович и снова замолчал, сглотнув ком в горле. Он уставился на красную точку у воронки. — Мы... мы там неделю назад стояли. Прямо на этом месте. Дозиметры... — Он бессмысленно посмотрел на своё запястье, где висел его старый, верный прибор. — Молчали. Тишина.

— Они и должны были молчать, — безжалостно, но без злобы сказала Елена. — Ваши счётчики Гейгера настроены на гамма-излучение. Альфа-частицы их не возбуждают. Для их обнаружения нужен другой принцип, другие датчики. У меня они есть.

Она отпила ещё чаю, давая словам повиснуть в стерильном, пахнущем чаем воздухе, и выключила экран. Картина исчезла, оставив после себя лишь жуткое, выжженное знание.

Петрович закрыл глаза. Его могучие плечи сгорбились ещё сильнее. В этой стерильной тишине Матвей почти физически слышал, как в голове у старика с грохотом рушатся столпы его мира. Вся его стратегия, всё его лидерство оказалось построено на фундаменте из песка. Он не защищал Семью. Он по незнанию медленно травил её изнутри.

Петрович выругался сквозь зубы. Матвей почувствовал, как по спине заструился холодный пот.

— Мой чай остывает, — вдруг грубо сказал Петрович, но рука его всё же потянулась к кружке. Он взял её, неловко, словно боясь раздавить хрупкость, и поднёс к лицу. Он не пил. Он просто вдыхал пар, закрыв глаза. На его обветренном, изрезанном морщинами лице на мгновение дрогнула какая-то старая, давно забытая маска. Маска человека, который помнит, что значит сидеть на кухне и просто пить чай. Потом он резко открыл глаза, и маска исчезла.

— Я тебе скажу, девочка, что я сейчас думаю, — прохрипел он. — Ты показала, как ты умна. Напугала, как можешь видеть насквозь. Тем, что мы ходим по красным зонам. Болеем. Чайком угостила, будто в гостях. Это хорошо. Но. Хватит цирка. Хватит пугать. Ты не для этого нас сюдапустила. Говори, зачем мы тебе? По-настоящему.

Елена поставила пустую кружку. Звук керамики о пластик был негромким.

— Чтобы открыть дверь, — сказала она просто. — И чтобы помочь вам открыть вашу.

«Дверь». Слово ударило Петровича с неожиданной силой. В его мире двери были трёх видов: те, что свои, на замке; те, что чужие и их нужно выбивать; и те, что заваривают наглухо — в те лучше не соваться.

И только сейчас, глядя в спокойные глаза Елены, он понял: есть четвёртый вид. Двери, которые открываются не силой, не хитростью, а только доверием. А доверять он разучился пять лет назад.

В наступившей тишине было слышно только тихое гудение вентиляции и стук собственного сердца. Чистота давила, стерильность пугала, но слова Елены повисли в воздухе, как пар над остывающим чаем — невесомые, почти живые. И Петрович вдруг остро осознал, что сидит в самом центре неизвестности, держа в руках хрупкую керамику, и не знает, с какой стороны теперь подойти к этой чёртовой двери.

Глава 3

Петрович медленно, как будто через силу, отпил из кружки и поставил её на столик со стуком, нарушив хрупкую тишину отсека. Чайный круг на белом пластике остался, как клякса из другого времени.

— Дверь? — прохрипел он. — Какую ещё дверь? Ты говоришь загадками, девочка. Мы не на детской площадке. У меня люди, за жизнь которых я поклялся бороться. Говори прямо, или мы уходим. Нам и в своём подвале есть чем дышать. Пока что. — он перевёл взгляд на погасший экран ноутбука.

Елена не смутилась. Она наклонилась, провела по тачпаду ноутбука. Экран ожил, отбрасывая голубоватый свет на её бледное лицо.

— Вы правы. Извините. Привыкла говорить с теми, кто мыслит категориями формул и протоколов. — Она вновь провела пальцем по экрану, и на нём возникла схематичная карта. — Начну с начала. Я — Елена Кирсанова, инженер-радиобиолог группы «Рассвет». Мы не военные. Мы не мародёры. Мы не торговцы-плантаторы. Мы не спецслужбы. Мы то, что осталось от нескольких научных институтов, кто успел укрыться в автономных бункерах до начала активной фазы катастрофы.

Она замолчала на секунду, её взгляд упёрся в белую стену, но видела она, видимо, не её.

— «Рассвет» — это было не название. Это было кодовое слово для активации протокола «Сохранение семян». Биологических, технологических, культурных. Наша группа была сформирована за год до первого выброса, когда спутники засекли аномалии в арктической зоне.

Матвей напрягся. «Рассвет». Слышал, что они сотрудничали с военными. А потом те подмяли их под себя.

— Ещё одна банда, — буркнул Петрович, изучающий экран ноутбука и пытающийся запомнить опасные места, обозначенные на карте.

— Банда учёных, — поправила Елена, слегка улыбнувшись. — Наша цель была одна: сохранить знания. Системы жизнеобеспечения, медицину, агротехнологии. Мы не лезли в политику, контактировали с военными — они хоть какой-то порядок поддерживали после катастрофы. Делились с ними технологиями: скафандры, фильтры, гидропоника, фитоплантации, животноводство. Делились технологиями очистки воды, схемами защищённых теплиц, картами относительно чистых зон. Мы думали, что помогаем выживанию нации.

Елена опустила взгляд на стол, вздохнула.

— Мы были наивны. — Она посмотрела на ноутбук. — Но потом у военных к власти пришёл генерал Верховоземцев. Он увидел в наших разработках не инструмент спасения, а инструмент контроля. Кто контролирует чистую воду и еду — контролирует жизнь. Кто контролирует знание — контролирует будущее. Он захотел и того, и другого. — Она на несколько секунд задумалась. — Тотальный контроль. Он решил подчинить и нас. Несколько раз его люди пытались захватить наши бункеры. Мы отбили — знания оказались сильнее грубой силы. Часть военных перешло на нашу сторону. И теперь мы под постоянным прицелом «Нового Порядка». А у него — людская масса. Он насильно забирает всех, кого поймает. Постоянно посылает их на штурмы наших укреплений. Уже контролирует метро, крупные убежища, начинает операции на поверхности. В этом вы и сами уже убедились. Не правда ли? — она обняла чашку ладонями, отпила глоток.

Матвей и Петрович тревожно переглянулись.

— Ну... Было дело, — нехотя подтвердил Петрович. — И что дальше?

Елена слегка кивнула головой.

— Мы поняли: в долгой игре мы проиграем. Если мы будем сидеть в наших убежищах — мы выродимся. И тогда наши знания, наши технологии попадут в руки того, кто хочет

не возрождения человека как вида, а рабства. Обыкновенного рабства. Нужно было действовать. Пока военные... пока такие, как генерал Верховоземцев, строили свои «новые порядки» на костях, мы пытались понять, как выжить в этом новом мире. Не как хозяева, а как вид.

Она повернула ноутбук к себе, что-то набрала на клавиатуре, затем развернула ноутбук экраном к ним. На нём была карта. Матвей узнал очертания своего района. Зелёным горели их подвал и крыша с контейнером. А к северо-востоку, на границе жёлтой и красной зоны, пульсировала другая метка — «Кедр».

— Это наша цель. Объект «Кедр». Защищённый, автономный, подземный комплекс. По нашим данным, там могли сохраниться целые секции с оборудованием, незагрязнённые скважины и главное — действующий термоядерный мини-реактор «Всплеск».

Петрович усмехнулся, звук был похож на скрип ржавой петли.

— Сказки. Если бы такое было — «Штыки» давно бы там хозяйничали.

— Они не знают о нём, — чётко ответила Елена. — Его проектированием и возведением занимались спецслужбы для высших лиц. Подобное было построено в разных городах. А «штыки» образовались из местных армейских частей. «Кедр» был засекречен. Данные о нём мы нашли в расшифрованных архивах уже после... всего. Мы — вероятно, единственные, кто знает. И мы не единственные, кому нужна альтернатива Верховоземцеву. Для него вы — биологический ресурс. Расходный материал для строительства его империи. Для нас... — она посмотрела то на Матвея, то на Петровича, — вы — доказательство того, что человечность не сводится к жестокости. И возможность сохранить не просто вид, а его ценности.

— И что? — спросил Матвей, его голос звучал ровнее, чем он ожидал. — Вы хотите создать там... в «Кедре» убежище? Свою... утопию?

— Я хочу оценить его потенциал, — поправила она. — И для этого мне нужно туда добраться. Модуль, — она обвела рукой стены контейнера, — должен был быть доставлен туда на внешней подвеске вертолёта. Но нас перехватили в воздухе. Не «Штыки» — иначе бы мы здесь не сидели, чай не попивали. Скорее всего, одна из банд, или торговцы с переносными ракетными комплексами или дронами. Пилот был ранен, система наведения повреждена. Он увидел эту крышу — самую целую в секторе — и совершил аварийный сброс. Сам вертолёт, — её голос дрогнул, впервые за весь разговор, — ушёл на юг. Я не знаю, долетел ли он до базы. — Она замолчала, словно вернувшись в момент сбития.

Воспоминание ударило Матвея, как током. Тот звук. Около недели назад. Он проснулся от тишины, после месяцев Щорма, а потом — рокот, далёкий, неровный гул, похожий на хриплое металлическое дыхание. Он тогда подумал — обвал где-то, или гроза в «чёрной» зоне. А это был вертолёт.

— А твой «Рассвет»? — Петрович спросил хриплым голосом. — Почему они тебя не вытащат? Или по рации не позвонишь им?

Елена кликнула по ноутбуку.

— Связь с «Рассветом» была потеряна, когда мы взлетели с него. В сезон пепла устойчивая радиосвязь на большие расстояния невозможна. Ионосфера искажена, а взвесь в атмосфере глушит сигнал. Кратковременные окна есть только в полный штиль, да и то нестабильно. Я пыталась выходить на связь — эфир забит помехами.

Она нажала на экране кнопку. Из ноутбука раздались щелчки, хрип.

— Я застряла здесь, — заключила Елена, и в её ровной, профессиональной манере появилась неуверенность. Мелкая трещинка. Не страх, а холодная констатация тупика. — У меня есть оборудование, знания, запас ресурсов. Но нет главного — опыта полевой работы. Нет людей, которые могут пройти по земле, не попав в лапы «диких» и не напоровшись на патруль «Штыков». Мне нужны проводники. Те, кто поможет дойти. Кто умеет быть тенью.

Она выключила ноутбук. Тишина в отсеке стала густой, как смола.

— Ты предлагаешь нам бежать с тобой к этой... двери? В «Кедр»? — уточнил Матвей.

— Я предлагаю вам проверить, существует ли убежище, — сказала Елена. — Я дам вам всё, что нужно, чтобы выжить сейчас: фильтры, медикаменты, йод, антидоты, чувствительные дозиметры. Вы проведёте меня к «Кедру». Если он мёртв или захвачен — вы свободны, с припасами и приборами. Если он живой... тогда у вас появится выбор. Остаться призраками в разваливающемся подвале, дожидаясь, пока вас сотрут военные или дикие. Или решитесь попробовать открыть ту самую дверь. В место, где можно не просто выживать. Можно жить. Вы станете первыми жителями «Кедра». На первых порах я могу помочь вам освоить его. У меня есть данные для его активации и управления. Плюс, активно подключится сам «Рассвет». Мы хотим начать возрождать жизнь, а не медленно угасать в бункерах.

Она снова посмотрела на их кружки.

— Мой чай остыл. Ваш — тоже. Время на принятие решения у вас есть. Но его не так много, как кажется. Что вы скажете?

В стерильной тишине отсека её слова повисли тяжёлым грузом.

Петрович, не глядя ни на кого, поднял кружку и залпом выпил остывший чай до дна, будто запивая горький привкус неизбежности. Он смотрел не на Елену, а в пустую белую керамику, как будто пытался разглядеть в ней ответ. Потом тяжело поднялся.

— Надо подумать. И посоветоваться со своими. — Он бросил взгляд на Матвея. — Идём. Нам тут больше нечего делать.

Матвей кивнул, поднимаясь. Его разум был переполнен цифрами, картами, угрозами и призрачной надеждой на «дверь». Но прежде чем последовать за Петровичем, он спросил последнее, что крутилось у него в голове, вопрос, который царапал сильнее других:

— А если «Кедр» живой... что ты получишь, Елена? Лично ты?

Она встретила его взгляд. В её тёмных глазах, наконец, вспыхнуло что-то живое и невероятно усталое.

— Я получу ещё одно место, которое может дать надежду и дать отпор сошедшим с ума военным. — Её пальцы сжались, в глазах появился блеск стали.

Она отвернулась, и её взгляд упёрся в стену. Матвей, уже готовый идти, замер. Только сейчас, проследив за её взглядом, он заметил на серой поверхности в простой пластиковой рамочке фотографию. Елена, смеющаяся, прижимающаяся к плечу высокого мужчины с умными, добродушными глазами. У обоих на безымянных пальцах — тонкие ободки обручальных колец. Счастье на снимке было таким острым, таким незащищённым, что его физически больно было видеть в этом стерильном склепе.

— Это твой муж? — тихо спросил Матвей, не отрывая глаз от фото. Петрович мгновенно обернулся и уставился на фото на стене.

Голос Елены, когда он прозвучал, был едва слышным и надтреснутым, как тонкий лёд.

— Да. Это была наша совместная миссия. Мы должны были поселиться в «Кедре».

Матвей медленно перевёл взгляд по комнате. Теперь он видел. Всё видел.

Вторая, узкая откидная кровать, которую он принял за запасную. Над ней — пустая полка.

Большие, ношенные мужские шлёпанцы, задвинутые под стул. На несколько размеров больше её.

Над компактной раковиной — единственная личная вещь на виду: простая керамическая кружка с криво нанесённой надписью «ЕГОР».

И на импровизированной тумбочке у пустой кровати — наручные механические часы с широким металлическим браслетом, остановившиеся. Стрелки замерли, показывая без пяти-надцати пять. Остановившиеся, потому что тот, кто их заводил, больше не сможет их завести.

Комната, бывшая убежищем для двоих, теперь хранила лишь одного живого и призрака второго. Всё здесь кричало о потере громче любых слов.

Матвей всё понял. Остался только один, чудовищный в своей простоте вопрос: когда и как?

Он поднял глаза на Елену. Она видела, как его взгляд скользнул по шлёпанцам, кружке, часам. Ей не нужно было слышать вопрос. Она всё прочла на его лице. Её собственное лицо стало каменным, лишь в уголке глаза дрогнула крошечная, неконтролируемая мышца.

— В первый же день, — выдохнула она, глядя куда-то сквозь Матвея, в тот самый день. Голос был плоским, лишённым всех интонаций, будто она зачитывала сухой отчёт о поломке оборудования. — После высадки здесь. Пошли на разведку... наткнулись на патруль «Штыков». Он... он отвлёк их, чтобы я могла уйти. Сказал, что догонит. — Она резко, почти грубо, смахнула с щеки одинокую слезу. — Не догнал.

Три коротких предложения. Приговор. Объяснение пустой кровати, больших шлёпанцев и кружки, которую больше никогда не возьмут с полки.

Матвей не знал, что сказать. «Соболезную» звучало бы пусто и бесполезно, как попытка залатать пулемётную очередь бинтом. Он видел, как её пальцы, только что такие уверенные при работе с ноутбуком, слегка дрогнули, сжимая край стола. Он видел, как она буквально заставляла себя дышать ровно, по привычному, выученному до автоматизма ритуалу: вдох — задержка — медленный выдох. Так дышат, чтобы не расплакаться. Или не закричать.

Тишина в контейнере стала физической, давящей. Даже Петрович, стоявший у выхода, застыл, уставившись на Елену. Его собственные потери внезапно отозвались в этой чужой, но до боли знакомой ране.

Матвей молча кивнул. Больше не было вопросов.

— Соболезную, — тихо сказал он, понимая, насколько эти слова малы и неадекватны по сравнению с тем, что она испытала.

Елена медленно подняла на него взгляд. Каменная маска на её лице не дрогнула, но в глубине глаз что-то отозвалось — крошечная искра благодарности за то, что её не стали жалеть. Жалость была бы невыносима. Она кивнула, коротко и резко, будто ставя точку в этой теме, но в этом кивке было больше доверия, чем во всех предыдущих объяснениях.

Тишина в контейнере стала физической, сгустилась. Елена повернулась к фотографии. Матвей видел, как её пальцы, лежащие на столе, медленно сжались в кулак. Он вдруг с невероятной ясностью представил эту сцену: она, затаившись в развалинах, смотрит, как вдали мелькают фигуры в камуфляже, унося с собой тело или оставляя на земле того, чьи шлёпанцы стоят под стулом. И потом — долгий путь назад, в эту капсулу, к остановившимся часам. Плач и составление отчёта. «Сотрудник погиб. Миссия продолжается». Возможно, именно так и рождается эта ледяная, нечеловеческая собранность. Не от отсутствия чувств, а от их непереносимого избытка, превращённого в топливо для одной-единственной цели.

Петрович шумно вздохнул.

— Присоединяюсь. Прими мои соболезнования. — он нахмурил лоб, провёл ладонью по лицу. — Пойдём, Матвей. Не будем мешать.

Петрович уже взялся за ручку шлюза, собираясь потянуть её на себя. В отсеке повисла тягостная тишина — каждый думал о своём. И в эту тишину, как сигнал тревоги, ворвался тихий, но настойчивый писк. Звук был настолько чужд всему здесь — этой стерильной тишине, — что оба мужчины замерли, как звери, застигнутые врасплох.

Елена резко обернулась к пустой, казалось бы, стене. Её лицо, только что выражавшее усталую откровенность, застыло. Ни страха, ни удивления — только мгновенная перезагрузка в режим «угроза». Она шагнула к панели, прикосновение её пальцев было быстрым и точным. Гладкая поверхность стены ожила, превратившись в матовый экран, разделённый на несколько секций.

Матвей забыл о уходе. Он подошёл ближе, не веря глазам.

На центральном экране транслировалась видео картинка. С высоты верхнего этажа соседнего дома, был виден их двор. Их дверь. С этой точки зрения она не выглядела скрытым, почти мифическим входом в крепость. Она была жалкой, криво вваренной в бетон заплаткой, присыпанной пеплом. Убогой норой.

— Увеличение, сектор 14-А, — тихо скомандовала Елена, и изображение приблизилось.

В кадр попало четверо людей. Камуфляж не самодельный, не сшитый из тряпок. Ровный, защитного цвета, с нашивками — стилизованные штыки и аббревиатура «НП». «Новый Порядок». Трое с автоматами стояли настороже, третий, без оружия, в чистых перчатках, стоял вдалеке от их двери. Он что-то внимательно рассматривал и делал пометки в планшете.

Елена коснулась другого элемента интерфейса.

— Сканирование излучаемых радиочастот.

В отсеке, чистом от посторонних шумов, зазвучал голос, доносящийся словно из-за тонкой стены. Голос человека с планшетом был спокоен, почти скупен.

— ...Дом 14. На Заречной. Тепловой след подтверждён, активный. Засели глубоко, вероятно, укреплённый подвал или техэтаж. — Он сделал ещё одну пометку. — Тепловой контур устойчивый. Вентиляция замаскирована, но датчики фиксируют выброс углекислого газа. От пяти до десяти человек. Укреплённый вход, видны следы давней обороны. Никакой ценности. — Пауза. Он поднял голову, посмотрел прямо в скрытую камеру, не видя её. Его лицо было молодым, усталым и совершенно безразличным. — Зачистка по графику, когда подойдёт карательный взвод с северного участка. Через две недели. Ставлю маркер.

Он ткнул пальцем в планшет. На экране у Елены над изображением двери всплыл виртуальный красный крест.

Петрович стоял, не двигаясь. Всё его тело напряглось...

— Две недели, — вдруг произнёс Матвей, и его голос прозвучал странно спокойно, почти задумчиво. — Интересно...

Петрович и Елена смотрели на него, ожидая истерики, ярости, отчаяния.

— Что интересного? — хрипло спросил застывший Петрович.

— Ну, как-то... по-бюрократически, — сказал Матвей, глядя в пустоту. — Не «сейчас же их к чёртовой матери», а «по графику». Значит, у них там план-график где-то висит. Секретарша, наверное, ведёт. «Понедельник: зачистка района Заречный, дом 14. Вторник: инвентаризация захваченного имущества. Среда: построение, разбор полётов. Четверг: культурный день — расстрел дезертиров для поднятия боевого духа». — Он покачал головой. — Мы им даже срочными не числимся. Так, фоновая активность. Как тараканов травить по расписанию.

Петрович уставился на него, потом неожиданно издал звук, средний между хрипом и смешком.

— Фоновая активность... Ага. Значит, в отчёте у них будет: «Ликвидирован очаг фоновой активности в секторе 14-А. Расход патронов: по норме. Потерь нет». И галочку поставят. И премию, может, выпишут. За уничтожение фоновой активности.

Они переглянулись. И в этот момент, глядя в глаза друг другу, оба одновременно поняли всю чудовищную, доведённую до абсурда суть происходящего. Их жизнь, их борьба, их смерть, слёзы, страх — всё это для кого-то было всего лишь пунктом в плане на неделю, между инвентаризацией и построением.

Петрович смотрел на экран, на этот красный крест, нанесённый рукой человека, который даже не счёл нужным подумать о людях внутри. Его крепость. Его Дом. Всё, что он строил, охранял, ради чего терял людей и спал с обрезом в руках последние три года, — было оценено, занесено в план и приговорено к «зачистке» за тридцать секунд. Не в яростном штурме, не в осаде, а равнодушным росчерком пера на цифровом планшете. Это было не поражение. Это было уничтожение. И унижение.

— Нет... — вырвалось у него хриплым, не своим шёпотом. — Этого... не может... Мы им покажем... — он замолчал.

Он понимал, что ничего они не могут сделать против десятка автоматов, огнемётов и гранат.

Елена выключила экран. Стена снова стала просто стеной. Она повернулась к ним. В её глазах не было торжества. Была только холодная, неумолимая ясность.

— Теперь вы видите, — сказала она, и её голос был холодным и плоским, как экран, на котором только что поставили крест. — Для них вы не люди. Вы — строка в отчёте. С вами не будут церемониться.

Она шагнула к ним, больше не соблюдая дистанции.

— У меня есть фильтры последнего поколения. Одного картриджа хватит Валере надолго. У меня есть семена томатов и картофеля, не тронутые мутацией, и гидропонные установки, чтобы их вырастить. У меня есть антибиотики, анальгетики, радиопротекторы. У меня есть скафандры, в которых можно пройти через «жёлтую» зону, не наглотавшись стронция. В них, в экстремальных случаях, можно кратковременно заходить в «красные» зоны. У меня есть дозиметры, точнее, чувствительнее ваших.

Она говорила быстро, отчеканивая каждое слово, вбивая их, как гвозди.

— И у меня есть координаты «Кедра» и знания, как им управлять. Это не подвал. Это герметичный комплекс под ста двадцатью метрами скальной породы. С системой регенерации воздуха, где можно ходить без масок. С водой, которую можно пить, не вываривая её днями. С местом, где ваша девочка сможет не просто выживать, а учиться по старым учебникам, которые сохранены в оцифрованном виде в наших архивах. И куда можно приглашать жить других выживших. Чтобы жить, а не выживать.

Она остановилась, посмотрела прямо в глаза Петровичу, а потом на Матвея.

— Цена. Вы проводите меня туда. Помогаете обследовать «Кедр». Плата. Возвращаемся сюда, забираем ваших — всех, кого вы хотите спасти, — и уходим к «Кедру». Или... — она кивнула в сторону, где минуту назад висел экран, — вы отказываетесь от моего предложения, возвращаетесь в свой подвал. Ждёте две недели. И встречаете карательный взвод. Я своё предложение не повторяю. Начну искать других проводников. И времени на советы с «своими» у вас больше нет. Решайте. Сейчас.

Петрович опустил голову. Его плечи тряслись. Не от рыданий — от дикой, бессильной ярости, которой некуда было вырваться. Он проиграл, и он знал это. Его железобетонный мир дал не трещину, он раскололся и теперь рушился, осыпаясь вместе с ненавистным пеплом с небес.

Матвей же не смотрел на Петровича. Он смотрел туда, где был экран. Где висел красный крест над их домом. Он чувствовал странное, леденящее спокойствие, как будто в голове выключили все лишние шумы — страх, сомнения, ярость. Остался только холодный факт. Через две недели их дом будет уничтожен. Все сомнения, вся тяжесть выбора — испарились. Обратного пути не существовало. Его старая жизнь, жизнь крысы в бетонной норе, только что была официально признана нежизнеспособной и назначена к утилизации.

Он поднял взгляд на Елену.

— Когда выходим? — спросил он. В его голове не было больше карты их подвала. Там была карта, которую только что показала Елена. И красный крест, горящий над домом, где спала Ирка. Старая жизнь кончилась. Прямо сейчас. Единственное, что осталось — выбрать, в какую сторону бежать из-под этого креста.

Петрович резко выпрямился, собираясь что-то крикнуть, возразить, излить свой гнев. Но он увидел лицо Матвея. Увидел в нём то же самое понимание бездны, которая разверзлась у них под ногами. И его ярость схлынула, оставив лишь горькую, металлическую пустоту. Он беззвучно выдохнул и кивнул. Один раз. Согласие капитулировавшего командира.

Елена слегка наклонила голову.

— Завтра на рассвете. Я подготовлю для вас снаряжение. А сейчас. — она подошла к шкафам. — Надо собрать вам «гостинцы» для своих. Медикаменты, витамины, еда, фильтры. — Она обернулась к Петровичу. — У вас есть тара? Ваши рюкзаки с вами?

Петрович отрицательно мотнул головой.

— Мы шли не за припасами. За ответами.

В голове у Матвея, словно эхо, отозвалась его собственная мысль, с которой они выходили из подвала: «Кто этот незнакомец? Что он хочет?» Теперь у них были ответы. Чёткие, выверенные, неопровержимые. И каждый из этих ответов был как кирпич, замуровывающий старую жизнь.

Ответ про «Кедр» — замуровал их подвал. Ответ про мужа Елены — замуровал в ней всё человеческое, кроме воли и мести. Ответ про красный крест на экране — замуровал саму возможность выбора. Они получили свои ответы. И оказалось, что знать правду страшнее, чем жить в неведении. Незнание оставляло пространство для манёвра, для иллюзий. Правда ставила перед фактом: вот стена. И надо или обходить её, и идти к призраку «Кедра». Или ждать, когда она рухнет на тебя сама.

— Ясно. — Елена открыла нишу, достала плотные рюкзаки, вручила каждому. — Надо наполнить их. Говорите, что вам надо в первую очередь для тех, кто останется. И поспешим. Ваши две недели... они уже начали обратный отсчёт.

Она открыла один из шкафов, и Матвей увидел ровные ряды упаковок. Всё было аккуратно, стерильно, подписано. Она достала несколько плоских, запечатанных в фольгу блоков — это были фильтры, но такие тонкие и лёгкие, что их можно было принять за книжные закладки. Рядом она положила небольшие пластиковые флаконы с таблетками, на этикетках которых даже не было пыли.

Матвей протянул руку, чтобы взять один из флаконов. Его пальцы, привыкшие к шершавой ржавчине, облупленной краске и липкой грязи, коснулись гладкого, прохладного пластика. Ощущение было настолько непривычным, почти неприличным, что он чуть не выронил его. Эта вещь была рождена в мире, где чистота и порядок всё ещё имели значение. Где упаковка защищала содержимое, а не просто была обёрткой, которую тут же срывали голодные пальцы.

Он взял флакон и зажал его в ладони. Прохлада пластика медленно сменялась теплом его руки. В этот момент он с острой ясностью осознал пропасть. Они тащили из развалин банки с пятилетними шпротами, а здесь, в этой металлической коробке, хранились вещи, созданные после. Значит, где-то ещё работали станки, печатались этикетки, мыслили люди, которые планировали не на завтра, а на годы вперёд. Это открытие было одновременно обнадеживающим и страшным. Потому что эти люди — Елена и её «Рассвет» — жили в реальности, настолько отличной от их крысиного быта, что они с Петровичем могли быть для них всего лишь... биологическим образцом. Полезным, но чужим.

— Витамины, радиопротекторы, антибиотики широкого спектра, — ровным голосом перечисляла Елена, укладывая предметы в рюкзак. Её движения были быстрыми и точными, без единого лишнего жеста. Она не смотрела на них как на людей, которым делают подарок. Она совершала логистическую операцию: передача ресурсов для повышения вероятности успеха миссии. Миссии, в которой она была заинтересована.

Через десять минут сборы были окончены.

Петрович уже ждал у двери, рядом стоял нагруженный рюкзак, который выглядел неестественно полным и аккуратным на его фоне. Его лицо было каменным, все эмоции ушли куда-то глубоко внутрь, оставив только сосредоточенную пустоту человека, который принял решение и теперь механически выполняет последовательность заложенных в память действий.

Елена подошла к Петровичу, когда он уже затягивал последний клапан рюкзака. В руках она держала небольшой свёрток — чистая белая ткань, сложенная аккуратно. Положила сверху, на его вещи.

— Это вам, — сказала просто.

Петрович глянул на неё, потом на свёрток. Осторожно развернул ткань.

Внутри лежал пистолет. Чёрный, ухоженный, с едва заметными следами использования. Почти новый. И коробка с патронами рядом.

Петрович замер на секунду. Опытным взглядом он оценил всё сразу: марку, состояние, количество патронов. Но главное — он понял другое. Это не просто оружие. Это личное. Это чьё-то.

Он взял пистолет в руки. Тяжесть привычно легла в ладонь, но в этот раз вес ощущался иначе. Больше, чем просто металл.

Палец сам, на автомате, нашёл предохранитель — включён. Хорошо. Движение, отточенное годами, — передёрнуть затвор, проверить патронник. Пусто. Отсоединил магазин — тоже пустой. Всё как положено при хранении. Всё правильно.

Он делал это не потому, что не доверял. Это был рефлекс. Ритуал человека, который знает: оружие ошибок не прощает. И в этом автоматическом, точном движении читалось нечто большее, чем проверка. Уважение. К вещи. К тому, кто её отдал. И к ответственности, которая ложилась на плечи вместе с холодом стали.

Петрович воткнул магазин обратно, щёлкнул, проверяя фиксацию. И тут его взгляд упал на рукоятку. Надпись. Не заводская гравировка, не серийный номер. Аккуратные, явно сделанные вручную буквы:

ЕГОР.

Четыре буквы. Имя. Петрович смотрел на них, и в голове само собой сложилось всё, что нужно было знать про Елену. Она не отдавала память — память осталась с ней в любом случае. Она отдавала защиту. То, чем её муж не смог защитить себя, — пусть защитит чужих людей. Чужую семью.

Он поднял взгляд на Елену. Та стояла, сложив руки на груди, и смотрела спокойно, без надрыва. Только в глубине глаз тлело что-то, чему не было названия.

— Вам будет нужнее, — сказала она тихо. — Можете оставить своим людям.

Петрович медленно кивнул. Слова были не нужны. Он аккуратно, даже бережно, завернул пистолет обратно в ткань и положил в рюкзак. Туда, где не передавит, не повредит, где будет под рукой, если понадобится.

— Спасибо, — сказал он коротко. И в этом слове было больше, чем благодарность за вещь.

Елена кивнула в ответ и отошла, давая понять, что разговор окончен.

Петрович ещё раз глянул на рюкзак, на белую ткань, выглядывающую из-под клапана. Егор. Теперь этот пистолет будет с ними. И может быть, сделает то, что не смог сделать для своего хозяина.

Матвей возился со своим рюкзаком и наконец застегнул его. Он почувствовал непривычную тяжесть — не веса, а значения. Внутри лежало будущее, упакованное в стерильный пластик. Безопасность, здоровье, время. Всё, чего им так не хватало. Его пальцы, привыкшие к ржавчине, всё ещё помнили прохладу гладких флаконов. И этот контраст между их миром и этим вдруг обрушился на него с новой силой. Он собирался последовать за Петровичем, но взгляд его упал на кружку с надписью «ЕГОР», всё ещё стоявшую у раковины.

И вдруг его накрыла волна абсурдной, почти болезненной ясности. Вот она — последняя черта «нормальности». Простая кружка, купленная когда-то в подарок. Та бытовая мелочь, из которой соткана обычная жизнь: утренний кофе, вечерний чай, болтовня на кухне. Всё, что

они с Петровичем и их семьёй потеряли так давно, что даже перестали об этом тосковать. Они тосковали по еде, по безопасности, по теплу. Но не по таким кружкам.

А Елена жила в этом осколке прошлого. Она дышала чистым воздухом, пила чай, смотрела на фотографию мужа. И этот осколок был одновременно и её крепостью, и её тюрьмой. Она сохранила кружку, но потеряла того, кто пил из неё. Она сберегла знания, но оказалась в ловушке на крыше, зависимой от «крыс» вроде них.

Мы все в ловушках, — подумал Матвей. Только решётки разные.

— Матвей, — резко позвал Петрович. — Шевелись. У нас нет времени.

Матвей кивнул, провёл рукой по гладкой, холодной поверхности стола — ещё одно ощущение, которое он, возможно, больше никогда не испытает, — и шагнул в шлюз, обратно в свой мир пепла, страха и двух недель отсрочки.

Глава 4

Перед выходом из контейнера Елена вручила Матвею герметичный пакет с таблетками: радиум, йодистый калий, унитиол, порошок для регидратации.

— Первая неделя — по одной синей утром. Красные — если начнётся тремор или тошнота. Порошок — в воду, никогда не пей неочищенную, даже если приборы молчат. Следи, чтобы Виктор Петрович тоже их принимал.

Её инструкции были чёткими, как голос автоответчика. Он лишь кивал, стараясь запечатать в памяти каждый пункт. Слова «первая неделя», «тремор», «никогда не пей» отбивали чёткий, пугающий ритм.

Она замолчала, изучая его лицо, проверяя, понимает ли он не слова, а суть.

— Это не лечение, — уточнила она, и в её голосе впервые прозвучала не инструкция, а что-то похожее на усталую прямоту. — Это — стабилизация. Чтобы вы не свалились по дороге. Чтобы ваши органы не отказали в тот момент, когда нужно будет бежать или драться. Лечение будет потом. В «Кедре». Или нигде. Тебе понятно?

Матвей кивнул головой, сжал пакет. Пластик хрустнул, таблетки зашелестели внутри. Такой знакомый, такой чужой звук. Звук аптеки. Звук того мира, где болезни лечили, а не просто терпели, пока не станет совсем неважно.

Мысль оборвалась, когда Петрович, стоявший уже в дверях шлюза, обернулся. Его взгляд скользнул по пакету, и Матвей увидел в его глазах знакомую, усталую усмешку.

— Таблетки, — буркнул старик. — От радиации. Как аспирин от похмелья. Выпьешь — вроде легче, а печень всё равно посадишь.

Он снова отвернулся, демонстративно показывая, что эта часть реальности — диагнозы, схемы приёма, «стабилизация» — его не касается. Он был болен миром. И лечиться от мира таблетками было абсурдно.

Она протянула ещё одну, маленькую упаковку.

— Для девочки. Без вкуса и запаха, можно растолочь. Ей нужнее всех. Растущий организм накапливает изотопы в разы быстрее.

Матвей слушал, кивал и складывал лекарства в рюкзак.

— Витаминно-минеральный комплекс, — она передала ещё один, меньший пакет. Его содержимое мягко пересыпалось внутри. — Тоже для девочки. Инструкции внутри.

Матвей механически кивал, засовывая драгоценные пакеты в потайной карман, пришитый к изнанке его термобелья, — прямо у сердца. Каждая таблетка, каждая гранула порошка стоила в мире Шторма больше золота.

Матвей повернулся и, провожаемый взглядом Елены, шагнул в узкий проход, ведущий к шлюзу. Пластиковые пакеты шуршали у него в кармане, словно шепча на новом, непонятном языке.

Петрович уже ждал его в раздевалке, стоя у выхода со шлемом в руках. Молча кивнул: пора.

Матвей застегнул последний клапан рюкзака и повернулся к нему. Тот уже стоял у выхода из раздевалки, нагруженный своей ношей, и ждал только его.

— Шлем, — коротко напомнил Петрович, натягивая свой.

Матвей кивнул, поднял тяжёлый, сколотый шлем и надел его. Привычный вес вдавил голову в плечи, запах резины и собственного пота ударил в ноздри — после стерильного воздуха контейнера это показалось почти родным. Он застегнул ремни, проверил герметичность, щёлкнул креплениями, затянул барашки до упора. Пальцы в перчатках делали это автоматически, наработанным годами движением.

Петрович стоял рядом, молча осматривая его. Резко дёрнул за шланг, проверяя соединение, заглянул в крепления баллона, хлопнул по плечу — жест, означавший «нормально». Матвей ответил тем же, окинув взглядом костюм старика, дёрнув лямки, проверив маску. Всё было на месте.

Елена стояла в стороне, прислонившись к стене, и внимательно наблюдала за их ритуалом. В её глазах не было насмешки, только профессиональное любопытство — она изучала их, как инженер изучает отлаженный, пусть и примитивный, грубый, механизм.

— Готовы, — сказал Петрович и шагнул к двери в шлюзовую камеру.

Тяжёлая створка бесшумно отъехала в сторону, пропуская их в узкое пространство между мирами. Елена не пошла с ними — осталась в раздевалке, и дверь за ними закрылась с тихим, герметичным шипением.

В шлюзовой горел тусклый красный свет. Он заливал стены, рифлёный пол, их собственные фигуры — всё стало багровым, нереальным, будто они стояли внутри огромного раскалённого металла. Воздух здесь был другим — не стерильным, как в жилом отсеке, и не тяжёлым, как снаружи. Просто пустым.

Матвей переглянулся с Петровичем. Тот стоял неподвижно, глядя на автоматику, и ждал. Красный свет мигнул.

И сменился жёлтым — тёплым, почти уютным после багровой темноты.

Матвей считал про себя. Три секунды. Две. Одна.

Жёлтый погас.

Вспыхнул зелёный.

Наружная дверь с лёгким шипением отъехала в сторону, открывая проём в серый, пепельный, привычный мир. Тот самый, из которого они пришли. Тот самый, в котором у их подвала оставалось четырнадцать дней.

Петрович шагнул первым, привычно вскинув обрез. Матвей двинулся за ним, оглянувшись на прощание на стерильную клетку, в которой им открыли правду.

Впереди был пепел, руины и дом, который надо было спасти. Или потерять.

Дверь контейнера закрылась за ними с мягким шипением. Они снова стояли на крыше. Мир вокруг не изменился. Притихший Шторм слегка гладил их. Бурое небо, изрыгающее пепел, теперь казалось особенно густым, почти чёрным. Вечер подступал, растворяя контуры развалин.

Они должны были вернуться. В подвал. В холод, въевшийся в кости. В тиканье дозиметра, отсчитывающего отпущенное им время. В запах сырости, пота и вечного, приглушённого страха. Вернуться домой.

Но теперь в рюкзаке Матвея, обложенном свинцовой тканью, лежало нечто большее, чем добыча. Лежал антидот. Лежал прибор, способный разглядеть невидимую смерть в капле воды. Концентрированная еда из того самого «до», о котором уже не вспоминали. И была цель. Конкретная, осязаемая, как эти таблетки в кармане. Не просто выжить. Не просто «как-нибудь протянуть». А медленно, шаг за шагом, отвоёвывать у этого мёртвого мира кусочки нормальной жизни. Возродить её. Начиная с синей таблетки, принятой утром.

Он поправил ремень рюкзака на плече, ощутив его непривычную, спасительную тяжесть, накинул на шлем тканевую накидку и кивнул Петровичу: «Пошли».

Обратный путь казался уже не таким безнадежным. Надежда была хрупкой, но она была. Пепел всё так же хрустел под ногами, тени развалин таили прежние угрозы. С каждым шагом к родному подвалу груз принятого решения становился тяжелее. Рюкзак с приборами и припасами начал давить не на плечи, а на совесть. Они несли не спасение, а приговор их старой жизни.

Возвращение домой никогда не казалось таким долгим. Каждый шаг отзывался в ушах Матвея эхом слов военного: «Объект четырнадцать... Никакой ценности... Зачистка». Это

слово — «зачистка» — било по мозгам ровным, методичным ритмом, под который ноги сами проваливались в пепел. Весь мир сжался до этого одного слова и красного креста на экране, который он теперь видел даже с закрытыми глазами.

Петрович шёл первым. На четвёртом этаже перед выходом на балкон он остановился, присел на подоконник, тяжело опёрся спиной о стену. Стекло под ним давно выбили — вместо него зиял пустой проём, в который задувал ветер, шевеля пепел на полу.

— Надо переварить случившееся, — начал он тихо, не глядя на Матвея. — Думаю, как я им это скажу. Вере. Валере. Семёну. Особенно Семёну.

Он провёл ладонью по маске — жест, за которым угадывалась усталость, въевшаяся глубже костей.

— Он дверь наружу частью себя считает. Отдал ей ногу. А мы возьмём и уйдём. Бросим.

Матвей молчал, опустил накидку на плечи. Слова были не нужны — старик выговаривался, и это было важнее любых ответов.

— И Вера... её огород. Она каждый росток как ребёнка растит. А мы — наутро, давай, бросай всё. — Петрович хрипло кашлянул. — Как будто три года жизни в мусорный ящик вытряхиваем.

Матвей слушал, и с каждым словом Петровича внутри нарастало несогласие. Тихое, но твёрдое.

— Мы не бросаем, — не сдержался он. Голос прозвучал глухо, но уверенно. — Мы эвакуируемся из места, в которое скоро придут плохие люди. И они сильнее нас.

— Какая разница? — в голосе Петровича прозвучала горечь. — Для них разницы не будет. Для Семёна его пост — вся жизнь. Для Веры — её росточки. А я им говорю: «Всё, что было вашей жизнью — теперь мусор. Берите патроны и пошли».

Матвей шагнул ближе. Не к Петровичу — к проёму, к серому небу за ним. Помолчал, собираясь с мыслями.

— А ты скажи по-другому, — начал он негромко. — Скажи, что в новом доме обязательно будет дверь. И эту дверь надо будет сторожить. И лучше Семёна с этим никто не справится. Потому что он уже доказал — ценой ноги, ценой крови, — что лучше него стража нет и не будет.

Петрович поднял голову, но Матвей не смотрел на него — смотрел в пустоту, в пепел, кружащийся за окном.

— И огород там будет, — продолжал он. — Гидропоника или просто лампы — какая разница? Вера Павловна вырастит зелень где угодно. Она из ничего еду делала, из трухи и кошачьего корма. А там будут настоящие семена, нормальный грунт, чистая вода. Она не потеряет свой огород — она получит новый. Лучше прежнего.

Он перевёл взгляд на Петровича. Тот смотрел на него в упор, слушал, не перебивая.

— А Валере даже и говорить ничего не надо, он сам поймёт, что там механизмов разных миллион. И их всех обслуживать надо. И новые придумывать.

Матвей сделал шаг к старшему.

— Мы не подвал бросаем, Петрович. Подвал — это просто бетон. Дом — это они. Семён, Вера, Валера, Ирка. Если они с нами — дом с нами. А новый подвал... ну, будет просто другим. Может, даже лучше.

Петрович долго молчал. Ветер шевелил пепел у его ног. Где-то внизу скрипнула сорванная ставня.

— Молодой, — наконец сказал он. Голос был хриплым, но в нём уже не звучало той безысходности, что минуту назад. — Ты повзрослел за эту неделю. Возмужал. Это хорошо.

Он сделал паузу, глядя Матвею прямо в глаза.

— На тебя можно положиться.

«Молодец, малой, — из глубины всплыл голос Жоры. — Петрович тебе сейчас высшую награду вручил. Не подведи.»

Матвей кивнул. Сказать было нечего. Да и не нужно.

Петрович замолчал, достал карту. На ней были не только пометки о запасах и опасных зонах. Были и другие, карандашные, едва видные. Крестик у гаража, где нашли Жору. Загогулина у остановки, где Матвей когда-то спрятал куклу для Ирки, а потом не мог её найти. Кружок вокруг высотки, где они с Жорой нашли кошачий корм.

И самый первый знак, почти стёршийся. Маленький квадратик у подножия их дома. Он поставил его три года назад, в первый вечер, когда они — тогда ещё чужие, настороженные люди — завалили кирпичом внутреннюю дверь подъезда и спустились сюда. Он помнил этот вечер. Холод, пахнувший разложением и страхом. Вера, сидящая на ящике, обхватив себя руками, её пустой взгляд. Семён, тогда ещё на двух ногах, лихорадочно проверяющий каждый угол фонариком. А сам он, Петрович, тогда просто «дядя Витя», бывший прораб, бродил по этому сырому бетонному мешку и искал хоть что-то, что можно использовать. И нашёл. В дальнем углу, под грудой хлама, лежал старый, ржавый ломик. Не просто лом — их лом. Первый инструмент. Первое оружие. Первая вещь, которую они сообща решили не бросать.

Он тогда взял его, отёр грязь рукавом, и почувствовал его вес. Не физический. Вес ответственности. Кто-то должен был стать тем, кто скажет: «Здесь будем жить». И он сказал. Не потому что был храбрее. Потому что устал бежать. Этот ломик до сих пор висел на пожарном щитке у входа в «жёлтую». Их первая реликвия.

И вот теперь он, тот самый человек, который заложил первый камень этой крепости, готовился произнести слова, которые её разрушат. Не враги снаружи. Он сам. Изнутри. От этого в горле стоял ком, горький, как пепел.

— Знаешь, что самое гадкое? — Петрович ткнул пальцем в красный крест, который мысленно уже висел над их домом. — Что они даже не знают, что уничтожают. Для них мы — «очаг фоновой активности». А что тут было... Кто тут жил, любил, ссорился, смеялся, боялся... Это для них пустой звук. Как будто нас и не было.

Матвей посмотрел на старого человека, сторбленного на подоконнике. Петрович боялся не смерти. Он боялся быть стёртым. Превратиться в ноль в чьём-то отчёте.

— Петрович, если всё выгорит с «Кедром», у нас будет дом с потолком толщиной в сотни метров от всех этих «штыков», «диких» и прочей мерзости. У Семёна будет много люков, за которыми надо будет присматривать. У Валеры будут сотни устройств. У Веры Павловны будут гектары грядок. И самое главное — Иринка. У неё будет будущее. В нашем подвале его уже нет.

Петрович смотрел на Матвея и крыть ему было нечем. Особенно фразу про будущее.

— Пошли, Матвей, — вздохнул он. — Пора. — и надвинул ткань на голову, прикрывая шлем от пепла.

Спуск на землю был быстрым. Рюкзаки за спиной казались невероятно тяжёлыми, хотя в них были не свинцовые пластины, а лёгкие картриджи фильтров, медикаменты и спрессованные брикеты еды. Это был не физический вес. Это был груз решения. Груз предательства их прежней жизни, которую они сейчас несли в свой дом, как троянского коня. Груз новой реальности, которая неминуемо раздавит старую, и они сами стали её тараном.

Они уже подходили к знакомой груде плит, скрывавшей их дверь. Петрович, не оглядываясь, шагнул вперёд, к замаскированному молотку. И тут Матвея накрыло. Острое, животное чувство — ощущение прицельного, холодного взгляда в спину. Он резко обернулся.

Глаза метнулись по контурам крыш, по чёрным глазницам окон соседних домов. Туда, где могла быть камера. Или дрон. Или просто точка наблюдения, такая же невидимая и всевидящая, как у Елены. Он вспомнил экран в контейнере, высоту, с которой их двор казался убогой норой.

«Она сейчас смотрит?» — пронеслось в голове. — «Следит, как мы возвращаемся в клетку, которая уже помечена не только на её картах?»

Он ничего не увидел. Только бурое, неподвижное небо, оплавленные силуэты и вечный, тихий шелест падающего пепла. Но невидимый взгляд будто бы прилип к коже, зудящий и неумолимый. Мир вокруг внезапно перестал быть просто враждебным. Он стал информативным. Каждый камень, каждая тень могли быть не просто укрытием, а частью чужой, бесстрастной системы слежения. И они в ней — всего лишь метка. Живая, но уже отмеченная на удаление.

Петрович, заметив, что Матвей отстал, обернулся. В его взгляде читался немой вопрос, а в напряжённой позе — готовность к бою. Матвей просто тряхнул головой, сбрасывая липкое ощущение. Бесполезно. Если за ними следят, они уже всё знают. Если нет — то и паниковать нечего. Но эта мысль не принесла облегчения. Тикающий часовой механизм судьбы теперь отбивал секунды где-то там, на чистом экране в стерильном контейнере.

Матвей поднял голову, сдвинул капюшон, и всматрелся в ржавые балки верхних этажей, в тёмные провалы окон, в серое небо за ними. Где-то там, среди этого хаоса, была спрятана камера. Он не видел её, но знал — она есть. Смотрит. Ждёт.

Он поднял руку и помахал туда, где примерно должна быть камера. Один раз. Коротко. Без лишнего пафоса — просто жест, означавший: «Мы дошли. Всё в порядке. Увидимся завтра».

Петрович, стоявший у двери, хмыкнул. Выпрямился, повернулся в ту же сторону и махнул один раз — широко, размашисто, по-своему. Мол, привет, если слышишь. Завтра будем.

Матвей подошёл к двери, встал рядом с ним. Взгляд ещё раз скользнул по верхним этажам, по балконам, по пустым глазницам окон.

Пусто. Только пепел.

Он медленно кружился на месте, словно прощаясь с этим видом. С серым небом. С контейнером, который остался где-то там, за спиной. С тишиной, которая уже никогда не будет прежней.

Петрович, не говоря ни слова, взял молоток и ударил по двери.

Три удара молотком о металл. Пауза. Ещё два. Свои, но с просьбой об осторожности. Старый код, который раньше означал «за нами кто-то есть» или «раненый». Теперь он означал нечто новое: «Мы принесли с собой конец всего, что ты знаешь».

Матвей, как и договаривались перед уходом, стоял, обернувшись к перископу, скрестив руки на груди — тайный сигнал «всё чисто» для Семёна. Жест казался неестественным, почти кошунственным. Как можно говорить «всё чисто», когда внутри всё перевернулось?

За дверью послышался приглушённый ляг. Щель перископа двинулась. Семён долго, мучительно долго рассматривал их и окрестности за ними. Матвей чувствовал на себе этот пристальный, недоверчивый взгляд сквозь толстое стекло. Наконец, скрежет ржавого механизма, и тяжёлое полотнище отъехало в сторону. В проёме, опираясь на культю и придерживая обрез на ремне, стоял Семён. Его лицо, обезображенное старыми ожогами, растянулось в нечто, отдалённо напоминающее улыбку облегчения.

— С возвращением, — хрипло констатировал он, отступая и давая им протиснуться в «серую».

Его взгляд, быстрый, натренированный, скользнул по ним, отмечая целостность костюмов, отсутствие свежих подтёков, заметил их неестественную чистоту, и... задержался на непривычно пухлых, чуть осевших под тяжестью рюкзаках. Которых у них не было, когда они уходили.

— Вы долго, — хрипло бросил он, убирая оружие. — Петрович, что с лицом? Будто покойника встретил. Что за мешки? Уже и на чёрный рынок заглянули, пока я тут извёлся весь, вас дожидаясь?

Петрович прошёл внутрь.

— Гостинцы от Деда Мороза, — отбарабанил он, не глядя на него. Его голос был пустым, как выгоревшая гильза. — Не спрашивай, Семён. В гостиной всё расскажем. Всем. Собирай всех на общее собрание. У нас важные новости.

В этих словах прозвучала такая неприкрытая, беспросветная тяжесть, что шутливый огонёк в глазах Семёна мгновенно погас. Его взгляд метнулся от Петровича к Матвею, ища подтверждения, но встретил лишь ту же каменную маску. Он молча кивнул, его лицо стало непроницаемым, как дверь, которую он только что закрыл. Защёлкнул засовы с каким-то новым, лихорадочным усердием.

Сердце Семёна забилося учащённо. И не зря.

Новости в новом мире обычно были только о плохом или об ужасном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.